

JEL classification: A13

УДК 330.88

DOI 10.17150/2308-2488.2020.21(2).253-273

А.А. Атанов

*Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация*

В.А. Рудяков

*Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация*

ГИПОТЕЗА ОБ АКСИОЛОГИЧЕСКОМ ОСНОВАНИИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Проблема построения институциональных отношений актуальна в самых разнообразных сферах жизни. Это могут быть и конкретные межличностные социальные отношения, экономические отношения (производства, обмена, распределения, потребления, собственности), политические отношения и т.д. В самой институциональной теории особая роль отводится системе установления и поддержания отношений. Так, например, в разнообразных теоретических моделях социального капитала одним из основных его элементов являются связи, в рамках которых можно получить доступ (или снизить издержки такого доступа) к весьма ограниченным и ценным ресурсам. Такой доступ, как, впрочем, и сами связи, невозможен без функциональных институтов, формирующих устойчивые отношения между субъектами. Сами же отношения в этом случае могут объективироваться в форме репутации и/или имиджа посредством таких категорий, как доверие, нормы и правила. Если описание моделей, на одну из которых мы указываем в этой статье, будет происходить в рамках марксизма, то здесь мы можем наблюдать смешение понятий, относимых к базису и надстройке, причем надстроечные отношения занимают более высокое место в иерархии и не подчиняются базису.

Ключевые слова. Методология, институциональная теория, общественные отношения, ценности.

Информация о статье. Дата поступления 6 апреля 2020 г.; дата принятия к печати 25 мая 2020 г.; дата онлайн-размещения 23 июня 2020 г.

A.A. Atanov

*Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation*

V.A. Rudyakov

*Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation*

HYPOTHESIS ON THE AXIOLOGICAL BASIS OF THE INSTITUTIONALIZATION OF PUBLIC RELATIONS

Abstract. The problem of building institutional relations is relevant in the most diverse spheres of life. It can be specific interpersonal social relations, and economic relations (production, exchange, distribution, consumption, property), and political, etc. In the institutional theory itself, a special role is given to the system of establishing and maintaining relations. For example, in a variety of theoretical models of social capital, one of its main elements was the links through which access (or the cost of such access) to very limited and valuable resources could be achieved. Such access, as indeed the linkages themselves, is not possible without more or less functional institutions that create stable relationships among the actors. The relationship itself can then be objectified in the form of reputation and/or image through such categories as trust, rules and regulations. If we describe the model to which we refer in this article within the framework of Marxism, we can see here the convergence of the concepts related to the basis and superstructure, with the superstructures taking a higher place in the hierarchy and not subject to the basis.

Keywords. Methodology, institutional theory, public relations, values.

Article info. Received April 6, 2020; accepted May 25, 2020; available online June 23, 2020.

При анализе экономических процессов привычная для нас марксистская схема отношений — производства, обмена, распределения и потребления — в практической плоскости не может быть определена, так как указывает на постоянно изменяющиеся структуры. Выделяются некие данные в контексте, который не создает даже рамочных конструктов для определения. Это псевдоабстракции, лишенные конкретного содержания и поэтому вмещающие в себя какие угодно смысловые единицы. Четкого понятийного определения здесь нет. В понятийном плане отношения — это взаимодействие и связь в контексте определения существования, даже в системе категорий все того же марксизма. Диалектика в системе анализа экономических процессов не работает, так как понятия порождаются не в контексте развития процесса, а в системе приписываемых значений (которые меняются в произвольном порядке), причем значение понятия не обладает никаким реальным содержанием (так как выключено указание на действительность).

В институциональной теории стремятся выделить какие угодно типы реальных взаимодействий, не задумываясь о структуре отношения как такового, лишь бы избежать марксистских псевдоабстракций. Отсюда и отсылка к конкретному институту. Другой вопрос — насколько ясно понимает, что это за институт, и определяет особенности его функционирования сам исследователь, здесь часто происходит подмена институциональных форм на поведенческое взаимодействие. А смысл поведения зачастую заключается совсем не в поведении, а в чем-то другом. Вот это «другое» еще нужно раскрыть, в понятийном плане возможно определение поведенческого института через такие понятия как «другое», «другой», сущность, яв-

ление, содержание, форма, элемент, структура и т.д. Возникает ряд понятий, нуждающихся в раскрытии, исходя из задач исследования. Даже если мы выделяем противоположности или группы противоположностей, включенные во взаимодействие, необходимо точно определить характер взаимодействия. Противоположности — это не обязательно полюса (плюс и минус). Противоположности обычно понятийно формулируются в более сложном виде по той причине, что при их анализе нужно учесть характер связи и характеристики взаимодействия, возникающие противоречия, формы единства, различия и борьбы. При таком подходе института как формы абстракции не существует — есть реальные отношения мужчины и женщины, работника и руководителя и т.д. Избегание абстракций в институциональной теории и приводит к тому, что всякая обобщенная структура начинает пугать, хотя она не обязательно связана с манифестацией категорий марксистской теории. Отсюда и часто встречающаяся в институциональной теории отсылка к ситуации здесь и сейчас, что связано с желанием не попасть в марксистскую псевдодиалектику несуществующих понятий, особенно характерную для экономических исследований.

Цель настоящей работы — путем построения и раскрытия гипотезы сформировать методологическую основу для возможных последующих исследований в области формирования и развития общественных отношений с позиций институциональной теории.

На наш взгляд, для эффективных общественных отношений во многом необходима их институционализация в форме процессов легализации и легитимации отношений на основе действующих и/или формируемых институтов с целью закрепления, воспроизводства и регулирования этих отношений. По сути, в этом случае институт (в системе определения) переводится в понятную для анализа форму права, а описа-

тельная структура и языковые паттерны соответствуют понятийным структурам и определениям права.

Основную нашу гипотезу можно сформулировать следующим образом: разные виды отношений (политических, экономических и т.д.) имеют свои специфические особенности, которые в процессе институционализации устанавливаются, развиваются и исчерпываются (разрываются) на основе общих принципов. В состав их, как минимум, следует включить следующее:

- отношения всегда охватывают не менее двух субъектов;

- по этой причине в них заложена возможность природных (естественных) противоречий, проистекающих из отличий характеристик субъектов и/или их систем ценностей;

- отношения в своей максиме проистекают в рамках трех периодов (короткий, средний, длинный);

- фактическая длительность отношений не обязательно охватывает всю максиму;

- ценностное основание, на котором базируются институционализированные отношения, может менять свою роль (от отсутствия до доминирования) и структуру в зависимости от периода.

Когда формулируется такого рода гипотеза, возникает ряд вопросов, которые можно рассмотреть в теоретическом ключе, из-за ограниченного объема статьи мы можем наметить вопросы, но не ответы. Например, необходимо выяснить, бывают ли противоречия существенными и несущественными, связанными с развитием и не связанными с ним. Еще одна группа вопросов, на которые нужно ответить: на каком основании в анализ вводится категория не времени, а длительности, и каков характер связи между ценностью и длительностью?

С позиций современной институциональной теории Э. Остром, ценностное основание лежит как в основе формирования потребностей, так и в основе

институализированной стратегии. Именно на основе закрепленной в общественной группе той или иной стратегии возникает конкретный институт [1, с. 32], что в свою очередь формирует институционализированные отношения, направленные на удовлетворение социальных потребностей индивидов и групп через организацию взаимодействий между ними (рис. 1).

Соотнося абстрактные ценности с протоинститутами, субъекты вырабатывают перечень конкретных ценностей, после чего каждый субъект (или их группа) формирует собственную по наполнению ценностную структуру, которая и лежит в основе их потребностей, удовлетворяемых через различные общественные отношения разной длительности. При этом, как нам кажется, этот процесс может идти и неосознанно. Так, на примере религиозных протоинститутов исследо-

Рис. 1. Институционализация общественных отношений

ватели особо отмечают, «что влияние религии на хозяйственную деятельность человека может быть столь значительным, что правомерно говорить о существовании «христианской», «исламской», «буддистской» экономик» [2, с. 21].

На первый взгляд, под конкретной субъективной ценностью мы понимаем ценностную установку, но это не совсем верно. Дело в том, что установка в нашем случае будет соотноситься с одним типом отношений, одной потребностью или конкретной ситуацией, формируя склонность к определенному поведению, — это более узкое понятие. Ценность — более общее понятие и не может индуцировать один тип отношений, даже субъект отсылает, в том числе и себя, к системе ценностей или отсылается к ней (рис. 1). Возникает резонный вопрос: для всякого ли субъекта это характерно? Тема потребностей связана с совокупностью требований субъекта к внешним условиям его бытия. Возникает доминанта требований, которая отсылает как к субъекту, так и к социуму, то есть возникает социальный механизм, и тогда снова встает резонный вопрос — насколько отдельный субъект может понимать и использовать социальные механизмы и процессы для своих целей. Обобщенные схемы в данном случае не работают. Только личное проживание способствует пониманию, ни одна из ценностей недоступна для человека в абстрактной форме чужого знания и чужих убеждений. Она становится ценностью только тогда, когда человек переходит на новый уровень понимания реальности и для него ценностные отношения становятся действительными.

Может возникнуть предположение, что наш подход к институционализации отношений базируется исключительно на принципах марксизма, но это не так. Марксизм, рассмотренный в контексте методологического основания исследования, по нашему

мнению, вызывает ряд вопросов. Практика марксизма — это практика социальной революции. В какой степени методология социальной революции подходит для анализа экономики — большой вопрос. Можем предположить, что основание социального излома прописывается в марксизме, но марксизм как концепция абсолютно неоднороден даже в персоналиях, составляющих его, — Маркс, Энгельс, Лафарг, Каутский, Ленин, Сталин, Троцкий и др. Общее — это то, что социальный излом (на практике) затрагивает те страны, которые никак и ни при каких обстоятельствах не должны были попадать в марксистские схемы социальных революций.

Чего стоит, например, тезис марксизма, характеризующий страну (страны), где случатся социальные коммунистические революции: а) высокоразвитые страны; б) страны — «слабые звенья» капитализма; в) среднеразвитые страны; г) слаборазвитые страны.

Особенно интересны отечественные марксисты Ленин и Сталин. Ленин определяет Россию как слабо-развитую страну, Сталин — как среднеразвитую. Это значит, что никакой теории и практики определения экономического развития стран (по крайней мере, в понятных методологических и понятийных основаниях, которые можно проверить) у двух выдающихся теоретиков марксизма просто нет, вместо научного (хотя бы статистического или факторного анализа развития экономики) присутствуют привычные для марксизма идеологемы. Нет критериев, нет понятий, нет аппарата исследования. Исходя из этого, марксизм — это не научная экономическая теория, а схема манипуляции народонаселением в системе внешней инспирации. И автором системы воздействия оказывается не Маркс, а совершенно другие деятели, преследующие свои цели и имеющие определенные связи.

Как мы понимаем, из предложенной схемы институционализации вытекает как минимум три группы

проблем (субъектные, протоинституциональные и системные противоречия):

1. *Субъектные противоречия.* В группу субъектов, формирующих институт, совершенно не обязательно входят все частные субъекты институализируемых отношений. Более того, в ряде случаев они могут вообще не входить в эту группу (например, неокOLONиальная система). Также следует отметить особого рода проблемы выбора методов взаимодействия внутри группы, учета (или отказа от него) систем ценностей других субъектов и т.д.

2. *Протоинституциональные противоречия.* Различные системы ценностей каждого из субъектов (или их групп) могут базироваться, например, на разных морально-нравственных принципах.

К сожалению, мы не можем сказать и даже адекватно предположить, какие институты влияют на российскую, английскую или американскую элиту. Все наши предположения недостоверны и носят гипотетический характер. Судить об элите адекватно может только человек, сам относящийся к элите. Сомнительно, что он поделится информацией, столь же сомнительно, что мы поймем, о чем нам сказали. Объясним, что мы имеем в виду: говоря об элите, мы имеем дело с иерархической структурой общества. К иерархическим, например, относятся отношения между родителями и детьми. Весьма сложно представить себе ребенка, который понимает мотивы действия своих родителей. Если ребенок их реально понимает, то он уже у себя в сознании построил иерархическую систему семьи, то есть по уровню развития он приближается к своим родителям и может осуществлять семейные проекты, а также адекватно взаимодействовать с другими людьми, исходя из измененной системы ценностей, которая стала результатом развития ребенка и его работы над собой. Только в этом случае он может адекватно определить свое взаимодействие с родителями и свое

реальное положение в семье. Говоря другими словами, любые предположения недостоверны, если они не соответствуют системе знания, в данном случае нужно точно представлять всю иерархическую систему и точно понимать на каком уровне сам находишься. Можно предположить, что есть гении (таланты), которые четко считывают информацию и обладают полноценным знанием. Другой вопрос — как отличить полноценное знание об элите от суждений или сведений о ней. Очевидно, только через четкое понимание всей структуры, а это гораздо легче сделать тому, кто относится к элите.

Данные противоречия неоднократно рассматривались в различных работах институционалистов. Так, например, проводя углубленный анализ протопроинституциональных оснований низкой степени легитимации крупной российской частной собственности, специалисты особо отмечают, что одна из проблем России состоит в том, что «национальные протопроинституты в большей степени влияют на общество, а зарубежные... — на элиту. В свою очередь, элита, располагая огромными доходами, имеет влияние на государство более сильное, чем общество» [3, с. 23]. Это приводит к противоречиям между официальными и неформальными нормами, которые генерируются государством (и крупным бизнесом) и населением соответственно, и это влияет на специфику формирования социально-экономических институтов в России (см. рис. 2).

В итоге наблюдается устойчивое дисфункциональное состояние общества, т.е. в рамках национальной институциональной среды происходит постоянное воспроизводство противоречащих друг другу элементов. «На практике это приводит к тому, что формальные институты в основном направляются на множество плохо исполняемых краткосрочных ограничений, а не на стимулирование положительных изменений» [там же, с. 22]. Как следствие такого общего состояния —

Рис. 2. Система формирования социально-экономических институтов в современной России на примере института собственности

целый спектр институциональных дисфункций: снижение горизонта планирования (это обеспечивает краткосрочную ориентацию инвестиций), рост социальной неопределенности (это ведет к возрастанию оппортунизма), суженное воспроизводство (вплоть до вывоза амортизации за рубеж), денационализация (офшоризация) результатов использования собственности, демодернизация (отказ от специфичных активов, как менее ликвидных) и т.д. [3, с. 22].

Резонен вопрос: для кого предназначены формальные институты? Возможно, формальные институты смягчают социальную среду, задавая хоть какие-то правила игры. Как справедливо отмечают отечественные исследователи, «сложившаяся в государстве система групповых интересов материализуется в институциональных ограничениях, запрещающих своеволие каждой социальной страты» [4, с. 722-723]. Гораздо

хуже сращивание формальных и неформальных институтов, смысл из такого сращивания ускользает, так как относится к разным основаниям, подменяясь псевдосмыслами. Можем вспомнить Ленина (юриста по образованию), который проводил принцип классового чутья в качестве основания права и основания для вынесения приговоров. Что это за явление — классовое чутье? Как его можно сформулировать? Не желание ли это уничтожить другого человека или людей, опираясь на разрушительные мотивы? Может проще право оставить правом, а не смешивать несмешиваемые вещи? Думаем, в этом проблема российских институтов, которые не приобрели четких форм и оказались не защищены от внешнего и внутреннего воздействия. Четкость, ясность, границы институтов и есть критерии работающей включенной системы ценностей.

3. Как мы понимаем, одна из проблем предложенной схемы институционализации заключается в *соотношении систем ценностей*. Даже в самом первом приближении эти системы могут быть как дополняющими, так и нейтральными или противоречащими друг другу. Возможная несовместимость систем ценностей будет отражаться как между, так и внутри содержания или формы отношений.

Очевидно, один из источников вышеперечисленных противоречий в том, что сами ценности, носящие преимущественно (по И. Канту) объективно-внешний (во многом абстрактный) характер, тем не менее, по мере их принятия и корректировки посредством про-тоинститутов, выступают в субъективной форме и отличаются по:

- конкретизации абстрактных ценностей;
- пределу степени ценностей (вплоть до догматизации);
- наполнению структуры ценностей.

Рассмотрим представленные пункты на условных примерах.

Конкретизация, очевидно, может рассматриваться и по параметрам, и по объектам отношений. Так, например, счастливая семейная жизнь, несомненно, является ценностью для многих людей, однако конкретизация самой категории «семья», объекта отношений этой ценности, может производиться в очень широких диапазонах. Интерпретация самого термина «семейная ценность» во многом зависит от культуры и этики общественных групп. Здесь очевидна проблема признания одними людьми (например, сторонниками одновременно экзо- и моногамных семей) права на само существование семейных отношений на основе эндо- и/или полигамии и наоборот. При этом обе группы субъектов (в случае их нуклеарности или патриархальности), вполне могут отказываться признавать семейными однополюсные отношения, как противоречащие их системе ценностей. Более того, в последнем примере отношения противниками весьма часто признаются скорее извращенными, чем ценностными. Так кажется на первый взгляд.

На самом деле все гораздо проще. Продолжим объяснение, опираясь на пример с семьей. Семья — это форма взаимодействия между людьми, построенная на определенном наборе поведенческих реакций или (в идеальном случае) на системе ценностей, по поводу которых супруги договорились. Счастье — это состояние. Непосредственно связывать семью и счастье невозможно, нужно вводить общее основание, в рамках которого они будут корректно взаимодействовать, для нас введение такого основания в настоящий момент затруднительно. Если бы люди могли решать задачи такого уровня, как наделение счастьем семьи, или проход к счастью через семью, то те, кто умеет это делать, безусловно бы относились к светочам человечества. А поскольку это не так, то можно говорить о понятиях «семьи» и «счастья», конкретизировав их в системе соответствующих наук и познавательных

процессов. «Семья», безусловно, может выступать в качестве ценности, но для этого ее нужно рассматривать и анализировать как ценность, а не как группу поведенческих стереотипов, которые кому-то нравятся, а кому-то нет, и которые оцениваются в категориях «хорошо» и «плохо». Все это — признаки оценочного мышления, которые ни к понятиям, ни к ценностям не имеют никакого отношения.

Предел степени ценности, на наш взгляд, выстраивается через выставление ценностных приоритетов. Приоритеты могут быть внутренними или внешними (например, по признаку первичной важности коллективных или лично-индивидуальных ценностей). Рассмотрим общий случай внутреннего предела ценности личной независимости. Человек вполне может быть готов пожертвовать частью личного заработка ради сохранения собственной независимости, но не снижать материальное благосостояние ниже какого-то уровня, так как это может угрожать семейным ценностям, при этом ради этих ценностей он может, в свою очередь, осознанно ограничивать собственную независимость.

Внешнее ограничение «предела степени ценности» предлагаем рассмотреть на примере признания ценностью жизни отдельного члена общества. Признание «естественного характера» прав человека приводит к тому, что во многих странах (например, Западной Европы) возникает приоритет лично-индивидуальных ценностей, что может отразиться на институционализации отношений в виде моратория на смертную казнь. Этот подход базируется в своей основе на тезисе, что «успешное развитие общества и государства во многом зависит от уровня прав и свобод, определяющих активность и творческий потенциал личности» [5]. Для других стран (например, США, стран Азии и т.д.) ценность жизни отдельного человека ограничивается тем, выполняет ли он (и как

выполняет) некие базовые «обязанности» перед этим обществом. Соблюдение в подобных странах вышеотмеченного тезиса зачастую вместо развития общества приводит ко все большему возрастанию социального иждивенчества и паразитизма [6; 7].

Частным примером самоограничения личностно-индивидуальных ценностей под влиянием приоритета коллективно-общественных могут быть так называемые профессиональные этические кодексы. Например, многим известен кодекс «Бусидо» средневековой Японии. В нем отражено, что в случае возникновения целого ряда ситуаций ритуальное самоубийство является весьма распространенной и уважаемой практикой.

Особый интерес, на наш взгляд, представляют *структуры наборов конкретных ценностей*, принимаемых субъектами. В настоящий момент в институциональной теории систематизация ценностей производится преимущественно с использованием парадигмального подхода Т. Куна. В рамках такого подхода сравниваются, как правило, просто некие наборы ценностей с высокой долей их абстракции. Мы же предлагаем опираться на методологию И. Лакатоса, разделяя весь набор субъективных ценностей на две группы элементов – «жесткое ядро» и «защитный пояс», в рамках которых и выстраиваются их иерархии.

В рамках этого подхода предлагается использовать разделение ценностей методом М. Рокича на:

– терминальные, конечные ценности, которые могут являться смыслом жизни конкретного человека (общественное признание, материальное благополучие, творчество, развлечения, любовь и др.); субъективно формируемый (по количеству, конкретизации, иерархии приоритетов и т.д.) набор этих ценностей нами условно относится к «жесткому ядру»;

– инструментальные ценности, связанные с методами достижения целей (независимость, рационализм, честность, аккуратность и т.д.), набор которых

также формируется субъектом на тех же принципах и составляет «защитный пояс».

Как мы понимаем, «жесткое ядро» имеет большую значимость для человека, чем «защитный пояс», которым можно до определенной степени жертвовать для сохранения и воспроизводства «ядра».

Таким образом, исходя из нашей гипотезы, каждая из систем ценностей состоит из двух субъективных наборов конкретных ценностей, упорядоченных по иерархическому принципу. Сами наборы структурированы по Лакатосу в рамках двух групп элементов — «жесткого ядра» (терминальные, конечные ценности) и «защитного пояса» (инструментальные ценности).

С другой стороны, мы признаем, что такое деление не совсем корректно. Смысл жизни может выступать в качестве цели, но логически и практически цель связывается со средствами и с продвижением, поэтому отнесение деления ценностей по М. Рокичу к методологическим основаниям И. Лакатоса или Т. Куна со строго формальной точки зрения представляется затруднительным. В любую научную парадигму *уже входят ценности*, как элементы структуры, изменяя которые, мы переходим к новой парадигме. При этом нужно помнить, что парадигма не реальность, а форма организации данности.

Мы считаем, что устойчивые воспроизводящиеся общественные отношения формируются субъектом путем сравнения в первую очередь своего «жесткого ядра» с ценностями контрагентов и формируемого института. Первичным результатом такого сравнения может быть доверие/недоверие и, как следствие, положительная идентификация или противопоставление.

Субъекты, начиная институализацию отношений, часто попадают в ситуацию неясности (неопределенности) систем ценностей контрагентов и их будущего поведения. Дополнительную сложность проблеме придают, как правило, когнитивно-информационные

(со стороны субъектов) и временные (со стороны потребностей) ограничения.

Сами отношения, как нам кажется, реализуются в логике трех этапов: эмоционального, чувственного и аксиологического.

В рамках короткого «эмоционального» периода имеет большую значимость соответствие в «защитных поясах» в виду их большей (явной или мнимой) открытости для наблюдения и осознания. В результате вполне возможна ложная положительная идентификация конкретных ценностей «жесткого ядра» контрагента. Если говорить простым языком — субъект наблюдает за характеристиками и поведением контрагента и «додумывает» его ценности. К величайшему сожалению, субъекты, способные наблюдать свои эмоции, встречаются крайне редко. Зато весьма часто встречается другая особенность — наделение «другого» свойствами, эмоциями и переживаниями, на самом деле отнесенными к себе.

В среднем — «чувственном» — периоде происходит окончательная идентификация «защитного пояса» и объективация абстрактных ценностей «жесткого ядра» контрагента.

В длительном «аксиологическом» периоде возникает осознание конкретных ценностей и их иерархии в «жестком ядре» контрагента.

Помимо заложенных в каждом этапе проблем одного рода, противоречия могут возникнуть из отличий в протяженности периодов для разных субъектов. Например, манипулирование с целью персонификации текущей общественной выгоды.

Наличие неизбежных ошибок (противоречий) в институционализации отношений будет приводить, как правило, к дисфункциональности института — неудовлетворению общественных потребностей либо их удовлетворению вне формальных рамок в виде «теневых» и криминальных отношений, целенаправленному оппортунизму и т.д.

Например, формирование рыночно-капиталистических отношений в современной России, исходя из нашей гипотезы, происходило в течение всех трех периодов: 1980-е — 1990-е гг. (эмоциональный этап); 1990-е — 2000-е гг. (чувственный этап); далее аксиологический этап, на котором выясняется, что ценностные системы «жесткого ядра» элит, населения и государства весьма сильно расходятся (рис. 2). Если же добавить к этому набору еще и внешних субъектов (например, так называемый «коллективный Запад»), которые уже к 1980-м гг. устойчиво и довольно давно находились в рамках длительного аксиологического периода, во многом станут более объяснимы и прогнозируемы те события в наших отношениях, которые мы можем наблюдать сейчас.

Если мы акцентируем внимание на понятии «ценность», то необходимо учитывать ряд параметров. Мы в рамках институтов ведем речь, например, о счастливой семейной жизни как о ценности. В этой связи возникает ряд сложностей: 1) счастье — это не ценность, а состояние; 2) семья может быть институтом, а может быть ценностью; 3) семейная жизнь не имеет отношения к предельно общим институтам и ценностям, она всегда конкретизирована в рамках действительной семьи.

По сути, в рамках одного некорректного определения можно разрушить пространство исследования, смешивая и соединяя несоединимое.

Чувства человека — уже ценности. Если мы разбираем чувственность в контексте ощущения, восприятия и представления, то это структура чувственного познания.

Эмоции и чувства относятся к одной из структур сознания. Этих структур три: волевая, познавательная и чувственно-эмоциональная, поэтому у нас есть группа понятий, которые не отнесены к конкретным объектам, предметам, процедурам и процессам. Эти понятия микшируются, образуя совокупность позна-

вательных, ценностных, практических, смысловых и прочих единиц, которые вроде бы должны относиться к ценностям. На самом деле это не так, поэтому возникает необходимость четкой смысловой определенности используемых понятий, но это отдельная задача.

Список использованной литературы

1. Капелюшников Р.И. Множественность институциональных миров: Нобелевская премия по экономике-2009 / Р.И. Капелюшников // Экономический журнал ВШЭ. — 2010. — Т. 14, № 1. — С. 12–69.

2. Шавкунова И.С. Культурные и личностные детерминанты стратегии принятия экономических решений / И.С. Шавкунова // Психология в экономике и управлении. — 2017. — Т. 9, № 2. — С. 18–25.

3. Рудяков В.А. Проблема легитимации российской частной собственности в институционально-историческом контексте / В.А. Рудяков, Т.В. Сметанина // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2016. — № 4 (66). — С. 19–29.

4. Анохов И.В. Влияние институтов на научно-технический прогресс / И.В. Анохов // Историко-экономические исследования. — 2017. — Т. 18, № 4. — С. 719–735.

5. Левченко И.В. Общие черты и особенности современных Национальных правозащитных институтов / И.В. Левченко. — DOI 10.17150/2411-6262.2019.10(2).20 // Baikal Research Journal. — 2019. — Т. 10, № 2. — URL: <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=23012>.

6. Зимина Е.В. Статистический анализ фактов проявления социального иждивенчества и паразитизма / Е.В. Зимина, Е.И. Нефедьева. — DOI 10.17150/2411-6262.2020.11(1).1 // Baikal Research Journal. — 2020. — Т. 11, № 1. — URL: <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=23521>.

7. Седых О.Г. Социальное иждивенчество: причины возникновения и историческая ретроспектива / О.Г. Седых. — DOI 10.17748/2075-9908-2018-10-3/1-172-178 // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2018. — Т. 10, № 3–1. — С. 172–178.

References

1. Kapelyushnikov R.I. The Multiplicity of Institutional Worlds: Nobel Prize in Economic Sciences-2009. *Ekonomicheskii zhurnal VShE = HSE Economic Journal*, 2010, vol. 14, no. 1, pp. 12–69. (In Russian).

2. Shavkunova I.S. Cultural and Personal Determinants of Economic Decisions-Making Strategy. *Psikhologiya v ekonomike i upravlenii = Psychology in economics and management*, 2017, vol. 9, no. 2, pp. 18–25. (In Russian).

3. Rudyakov V.A., Smetanina T.V. Legitimation of Russian Private Property in Institutional-Historical Context. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Journal of the Ural State University of Economics*, 2016, no. 4 (66), pp. 19–29. (In Russian).

4. Anokhov I.V. The Impact of Institutions on Scientific and Technological Progress. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History and History of Economics*, 2017, vol. 18, no. 4, pp. 719–735. (In Russian).

5. Levchenko I.V. General Traits and Features of Present-Day National Human Rights Institutions. *Baikal Research Journal*, 2019, vol. 10, no. 2. DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(2).20. Available at: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=23012>. (In Russian).

6. Zimina E.V., Nefedyeva E.I. Statistical Analysis of Facts of Manifesting Social Dependence and Parasitism. *Baikal Research Journal*, 2020, vol. 11, no. 1. DOI: 10.17150/2411-6262.2020.11(1).1. Available at: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=23521>. (In Russian).

7. Sedykh O.G. Social Identity: Causes of Initiation and Historical Retrospective. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social-Educational Ideas*, 2018, vol. 10, no. 3–1, pp. 172–178. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-3/1-172-178. (In Russian).

Информация об авторах

Атанов Андрей Алексеевич – доктор философских наук, профессор, проректор по инновационной деятельности и внешним связям, заведующий кафедрой философии, искусствознания и журналистики, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: atanovaa777@gmail.com. ORCID 0000-0001-8554-6763.

Рудяков Василий Анатольевич – кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики предприятия и предпринимательской деятельности, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: fmened@mail.ru. SPIN-code 4650-1365. ORCID 0000-0002-2080-4845. ORCID 0000-0001-8554-6763.

Authors

Andrey A. Atanov – D.Sc. in Philosophy, Professor, Vice-Rector for Innovation Activity and External Affairs, Head of the Department of Philosophy, Baikal State University, Irkutsk, 664003, the Russian Federation, e-mail: atanovaa777@gmail.com. ORCID 0000-0001-8554-6763.

Vasilii A. Rudyakov – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department of Enterprise Economics and Entrepreneurship, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, email: fmened@mail.ru. SPIN-code 4650-1365. ORCID 0000-0002-2080-4845.

Для цитирования

Атанов А.А. Гипотеза об аксиологическом основании институционализации общественных отношений / А. А. Атанов, В. А. Рудяков. – DOI: 10.17150/2308-2488.2020.21(2).253-273 // Историко-экономические исследования. – 2020. – Т. 21, № 2. – С. 253–273.

For Citation

Atanov A.A., Rudyakov V.A. Hypothesis on the Axiological Basis of the Institutionalization of Public Relations. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2020, vol. 21, no. 2, pp. 253–273. DOI: 10.17150/2308-2488.2020.21(2).253-273. (In Russian).